

Борис Пильняк

Красное дерево

ФТМ

Борис Пильняк

Красное дерево

«ФТМ»

1929

Пильняк Б. А.

Красное дерево / Б. А. Пильняк — «ФТМ», 1929

ISBN 978-5-4467-1212-0

В этой повести писатель рисует страшную, порой трагическую картину жизни народа, задавленного мертвой, механической машиной бюрократизма, убившего светлые идеи революции.

ISBN 978-5-4467-1212-0

© Пильняк Б. А., 1929

© ФТМ, 1929

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Борис Пильняк

Красное дерево

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нищие, провидоши, побироши, волочебники, лазари, странники, странницы, убогие, пустосвяты, калики, пророки, дуры, дураки, юродивые – эти однозначные имена кренделей быта святой Руси, нищие на святой Руси, калики переходящие, убогие Христа ради, юродивые ради Христа Руси святой, – эти крендели украшали быт со дней возникновения Руси, от первых царей Иванов, быт русского тысячелетия. О блаженных мокали свои перья все русские историки, этнографы и писатели. Эти сумасшедшие или жулики – побироши, пустосвяты, пророки – считались красотою церковною, христовою братиею, мольцами за мир, как называли их в классической русской истории и литературе.

Известный московский юродивый, живший в Москве в середине девятнадцатого века, недоучившийся студент духовной академии, Иван Яковлевич – умер в Преображенской больнице. О похоронах его писали репортеры, поэты и историки. Поэт писал в «Ведомостях».

«Какое торжество готовит Желтый Дом?
Зачем текут туда народа волны
В телегах и в ландо, на дрожках и пешком,
И все сердца тревогой мрачной полны?
И слышится меж них порою смутный глас,
Исполненный сердечной, тяжелой боли:
– «Иван Яковлевич безвременно угас!
Угас пророк, достойный лучшей доли!»

Бытописатель Скавронский в «Очерках Москвы» рассказывает, что в продолжение пяти дней, пока труп не был похоронен, около трупа было отслужено более двухсот панихид. Многие ночевали около церкви. Н. Барков, автор исследования под названием – «26 Московских лже-пророков, лже-юродивых, дураков и дур», очевидец похорон, рассказывает, что предложено было хоронить Ивана Яковлевича в воскресенье, «как и объявлено было в «Полицейских Ведомостях», и в этот день, чем свет, стали стекаться почитатели, но погребение не состоялось по возникшим спорам, где именно его хоронить. Чуть не дошло до драки, а брань уже была, и порядочная. Одни хотели взять его в Смоленск, на место его родины, другие хлопотали, чтоб он был похоронен в мужском Покровском монастыре, где даже вырыта была для него могила под церковью, третьи умиленно просили отдать его прах в женский Алексеевский монастырь, а четвертые, уцепившись за гроб, тащили его в село Черкизово». – «Опасались, чтобы не крали тела Ивана Яковлевича». – Историк пишет: «Во все это время шли дожди и была страшная грязь, но, не смотря на то, во время перенесения тела из квартиры в часовню, из часовни в церковь, из церкви на кладбище, женщины, девушки, барышни в кринолинах падали ниц, ползали под гробом». – Иван Яковлевич – при жизни – испражнялся под себя, – «из под него текло (как пишет историк) и сторожам велено было посыпать пол песком. Этот то песок, подмоченный из под Ивана Яковлевича, поклонники его собирали и уносили домой, и песочек стал оказывать врачебную силу. Разболелся у ребеночка животик, мать дала ему в кашке пол-ложечки песочку, и ребенок выздоровел. Вату, которой были заткнуты у покойника нос и уши, после отпевания делили на мелкие кусочки для раздачи верующим. Многие приходили ко гробу с пузырьками и собирали в них ту влагу, которая текла из гроба ввиду того, что покой-

ник умер от водянки. Срачицу, в которой умер Иван Яковлевич, разорвали на кусочки. – Ко времени выноса из церкви собрались уроды, юроды, ханжи, странники, странницы. В церковь они не входили, за теснотой, и стояли на улицах. И тут-то среди бела дня, среди собравшихся, делались народу поучения, совершались явления и видения, изрекались пророчества и хулы, собирались деньги и издавались зловещие рыкания». – Иван Яковлевич последние годы своей жизни приказывал поклонникам своим пить воду, в которой он умывался: пили. Иван Яковлевич не только устные делал прорицания, но и письменные, которые сохранены для исторических исследований. Ему писали, спрашивали: «– женится ли такой-то?» – он отвечал: – «Без пращи не бенды кололаци»...

Китай-город в Москве был тем сыром, где жили черви юродов. Одни писали стихи, другие пели петухами, павлинами и снигирями, третьи крыли всех матом во имя господне, четвертые знали только по одной фразе, которая считалась пророческой и давала пророкам имена, – например, – «жизнь человека сказка, гроб – коляска, ехать – не тряско!» – Имелись аматеры собачьего лая, лаем прорицавшие божьи веления. Были в этом сословии нищих, побирош, провидош, волочебников, лазарей, пустосвятов-убогих вся святой Руси – были и крестьяне, и мещане, и дворяне, и купцы, – дети, старики, здоровенные мужичищи, плодородящие бабищи. Все они были пьяны. Всех их покрывало луковицеобразное голубое покойствие азиатского российского царства, их, горьких, как сыр и лук, ибо луковицы на церквях, конечно, есть символ луковой русской жизни.

...И есть в Москве, в Петербурге, в иных больших российских городах – иные чудачки. Родословная их – имперская, а не царская. С Елизаветы возникло, начатое Петром, искусство – русской мебели. У этого крепостного искусства нет писанной истории, и имена мастеров уничтожены временем. Это искусство было делом одиночек, подвалов в городах, задних каморок в людской избе в усадьбах. Это искусство существовало в горькой водке и в жестокости. Жакоб и Буль стали учителями. Крепостные подростки посылались в Москву и Санкт-Петербург, в Париж, в Вену, – там они учились мастерству. Затем они возвращались – из Парижа в санкт-петербургские подвалы, из Санкт-Петербурга в залюдские каморки, – и – творили. Десятками лет иной мастер делал один какой-нибудь самосон или туалет, или бюрцо, или книжный шкаф, – работал, пил и умирал, оставив свое искусство племяннику, ибо детей мастеру не полагалось, и племянник или копировал искусство дяди, или продолжал его. Мастер умирал, а вещи жили столетьем в помещичьих усадьбах и особняках, около них любили и на самосонах умирали, в потайные ящики секретеров прятали тайные переписки, невесты рассматривали в туалетных зеркальцах свою молодость, старухи – старость. Елизавета – Екатерина – рококо, барокко – бронза, завитушки, палисандровое, розовое, черное, карельское дерево, персидский орех. Павел – строг, Павел – мальтиец; у Павла солдатские линии, строгий покой, красное дерево темно заполировано, зеленая кожа, черные львы и грифы. Александр – ампир, классика, Эллада. Николай – вновь Павел, задавленный величию своего брата Александра. Так эпохи легли на красное дерево. В 1861-ом году пало крепостное право. Крепостных мастеров заменили мебельные фабрики – Левинсон, Тонэт, венская мебель. Но племянники мастеров – через водку остались жить. Эти мастера теперь ничего не строят, они реставрируют старину, но они оставили все навыки и традиции своих дядей. Они одиночки, и они молчаливы. Они горды своим делом, как философы, и они любят его, как поэты. Они по-прежнему живут в подвалах. Такого мастера не пошлешь на мебельную фабрику, его не заставишь отремонтировать вещь, сделанную после Николая первого. Он – антиквар, он – реставратор. Он найдет на чердаке московского дома или в сарае несожженной усадьбы, – стол, трельяж, диван – екатерининские, павловские, александровские – и он будет месяцами копать над ними у себя в подвале, курить, думать, примеривать глазом, – чтобы восстановить живую жизнь мертвых вещей.

Он будет любить эту вещь. Чего доброго, он найдет в секретном ящике бюроца пожелтевшую связку писем. Он – реставратор, он глядит назад, во время вещей. Он обязательно чудака, – и он по чудачески продаст реставрированную вещь такому-же чудаку-собирателю, с которым – при сделке он выпьет коньяку, перелитого из бутылки в екатерининский штоф и из рюмки – бывшего императорского – алмазного сервиза.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1928 год.

Город – русский Брюгге и российская Камакура. Триста лет тому назад в этом городе убили последнего царевича династии Рюрика, в день убийства с царевичем играли боярские дети Тучковы, – и тучковский род жив в городе по сие время, как и монастыри и многие другие роды, менее знатного происхождения... – Российские древности, российская провинция, верхний плес Волги, леса, болота, деревни, монастыри, помещичьи усадьбы, – цепь городов – Тверь, Углич, Ярославль, Ростов Великий. Город – монастырский Брюгге российских уделов и переулков в целебной ромашке, каменных памятников убийств и столетий. Двести верст от Москвы, а железная дорога – в пятидесяти верстах.

Здесь застряли развалины усадеб и красного дерева. Заведующий музеем старины здесь ходит в цилиндре, размахайке, в клетчатых брюках, и отпустил себе бакенбарды, как Пушкин, – в карманах его размахайки хранятся ключи от музея и монастырей, – чай пьет он в трактире, водку в одиночестве – в чуланной комнате, в доме у него свалены библии, иконы, архимандритские клобуки и митры, стихари, орари, поручи, рясы, ризы, воздухи, покровы, престольные одеяния – тринадцатого, пятнадцатого, семнадцатого веков, – в кабинете у него каразинское красное дерево, на письменном столе пепельница – дворянская фуражка с красным околышем и белой тульей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.